

Л.С. МАМУТ

Образ государства как алгоритм политического поведения*

Образ государства был и остается значимым феноменом как в индивидуальном, так и в массовом политическом сознании. Этот феномен должен рассматриваться в разумных измерениях и пространственно-временных координатах.

Как особая единица сознания он принадлежит миру психического и складывается из трех компонентов: дескрипции (описания действительности), оценки (выражения отношения к действительности), прескрипции (предписания поступка). При выяснении социально-предметного содержания образа государства надо избегать подмены такого выяснения разбором его психической структуры. Опасность подобной подмены есть, поскольку указанное социально-предметное (в нашем случае "государственническое") содержание накладывается на эту структуру, срастается с ней, через нее проявляется. В такой ситуации из поля зрения нередко ускользает то, что психическое и собственно "государственническое" - вещи разнотелные, которые строятся и выражаются по своим канонам. Если их принципиальные отличия не распознаются, то исследование образа государства превращается в малопродуктивное занятие.

Описание и оценка государства

Надежный ответ на вопрос о том, каким отражением, каким рисунком "отпечатывается" на психической "ткани" образа само государство, дает поучительная история науки о государстве. Она свидетельствует, что наблюдаемая людьми государственность запечатлевается в их представлении одной из двух ипостасей: либо в виде некоей ассоциации (общности) индивидов, либо в виде отдельного лица (группы лиц). Вот факты, на которых базируется такой вывод.

Восприятие государства в качестве определенной коллективности, общности индивидов обнаруживается уже в древнекитайской идеологии. На рубеже второго и первого тысячелетий до н.э. возникает картина Поднебесной - целостной политической структуры, единой страны, направляемой и контролируемой Небом. В сознание древних китайцев глубоко проник образ государства как одной разросшейся семьи. Он, кстати, закрепился в их языке словом "гоцзя" - "государство-семья", которое применялось наряду с другими для обозначения государства [1]. Этим образом позднее активно пользовался Конфуций. Согласно его схеме, пишет исследователь конфуцианства Л. Переломов, правитель государства "возвышался лишь на несколько ступенек над главой семьи. Это должно было оказать реальное воздействие на общин-

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (исследовательский проект 96-06-80173).

ников, ибо Учитель как бы вводил правителя в круг их обычных представлений, подчеркивая, что государство - та же семья, только большая" [2]. Конфуций не приравнивал правителя к "большой семье": последний помещался внутри такой общности и вовсе не являл собой государство в целом. Можно по-разному расценивать уподобление государства "большой семье", но в любом случае эта метафора сохраняет портрет специфической (по родственному организованной) коллективности.

В другом очаге мировой цивилизации - древней Греции - Аристотель положил начало традиции изображать государство как совокупность людей, объединяемых политическим общением. Всегда, когда Аристотель описывал государство как наглядно данный объект, свои впечатления о конфигурации последнего он резюмировал в формуле: государство есть круг, союз составляющих его граждан [3]. И это при том, что он прекрасно (гораздо лучше, чем его современники) знал о наличии в государстве разных общественных групп, институтов публичной власти, дифференциации политических ролей (властвующие и подвластные), норм и процедур политической жизни и т.д. Однако аристотелевский взгляд на общий облик государства выделяет именно признак целостности, "союзности", объемлющей всех без исключения членов независимо от политической роли, которую они играют.

Восприятие общего облика (композиции) государства как единого сообщества прочно закрепилось в европейском политическом менталитете. У Аристотеля здесь оказалось много последователей. В сознании каждого, кто размышлял о государстве, следуя аристотелевской традиции, облик государства приобретал индивидуальные очертания. Но вместе с тем они видели в нем контур "союза людей", скрепляемого определенными зависимостями человеческой общности, интегрируемой публично-властными отношениями и институтами.

Охватывал ли умственный взор теоретиков необходимые атрибуты такой политической коллективности: аппарат публичной власти, служащих в данном аппарате лиц, отношения властвующих и подвластных, публично-властные нормы и процедуры, принципы территориального устройства "союза людей" и т.д.? Вопрос риторический. Они все это прекрасно видели. Однако твердо полагали, что это - элементы, черты, свойства государства, а не само оно целиком. В их представлении различные атрибуты государства не образовывали какую-то иную реальность, обособившуюся и удалившуюся от реальности целостного политического коллектива, существующую в изоляции от общности людей, организованной посредством публично-властных зависимостей. Фикции "раздвоения" или "удвоения" государственности не возникало. Тем более она не мнилась бюрократически-полицейской корпорацией, оторвавшейся от "союза людей", вознесшейся над ними и ему противостоящей.

Бегло набросанный выше общий облик государства и поныне воспроизводится в государствоведении. Так, немецкие авторы пишут: "Судьба граждан неразрывно связана с судьбой и жизнью государства, которое они образуют и на которых оно опирается, таким образом, государство - это политическое сообщество людей, связанных единой судьбой" [4]. На взгляд отечественного исследователя В. Чиркина, государство - уникальная организация общества в целом. Такая организация универсальна, всеобъемлюща: в нее входят "все находящиеся на данной территории лица"; она обладает публичной властью и специализированным аппаратом управления обществом [5]. Некоторые авторы изображают государство как "государственную общину". По их мнению, "государство можно рассматривать как организационную форму, как союз людей, объединившихся для совместного проживания" [6].

Однако мировая политическая мысль продуцирует и иного рода "снимки" государства, где оно уже не выглядит равномасштабной всему обществу ассоциацией особого типа, политической целостностью, а репрезентировано определенным человеком (либо группой определенных индивидов). Историки отмечают, в частности, что для древних египтян государство персонифицировалось в царе [7]. В древнеиндийских представлениях имелось нечто похожее: царство, политическое целое фиксировалось сознанием в виде материальной, вещественно осязаемой структуры, соотносящейся с

телесным образом царя [8]. Во времена империи в античном Риме чертами и свойствами государственности, стали наделяться императоры: они олицетворяли римский народ, их благо отождествлялось с его благом, правитель стал выразителем всеобъемлющего, все соединяющего и всем владеющего высшего принципа [9].

В аристотелевской традиции государство как целое ("политическое сообщество людей") вбирает в себя также правителей (а заодно бюрократию, полицию, армию и пр.); в противоположном, персонцентристском мысленном облике государства, напротив, правители (и иже с ними) поглощают политическое целое, обретая многие его основные параметры.

Западноевропейская наука о государстве XVI-XVIII веков (но не только она) немало потрудились над тем, чтобы теоретически санкционировать такой взгляд на государственность, который позволял монархам заявлять: "Государство - это я". Благодаря усилиям Ж. Бодена, Т. Гоббса и других государство все больше представляло в облике корпоративного объединения (учреждения), обособившегося от всей социальной коллективности, поднявшегося над ней и управляющего ею. Утверждению подобного взгляда в европейском политическом сознании весьма способствовала боденско-гоббсовская разработка идеи суверенитета государства и соответствующих представлений о носителях и реализаторах этой суверенности.

Рассматриваемый в данном случае "снимок" общего облика государства по-своему достоверен: он содержит некоторую объективную информацию об одном из составных элементов государственности. Известная познавательная ценность такой информации бесспорна. Другое дело - оперировать ею в качестве знания, достаточного для воспроизведения полномасштабной (а не урезанной, однобокой) картины организации государства. В новоевропейском прошлом за облик всей государственности выдавали портрет аппарата (машины) публичной власти (пожалуй, охотнее остальных ранние либералы, анархисты, социалисты, коммунисты).

Среди современников, пишущих о государстве, немало таких, которым государство представляется органом, орудием (класса, нации, общества), системой учреждений, осуществляющих публично-властные функции. Р. Пинто и М. Гравитц склонны раздвинуть точку зрения Б. де Жувенеля, согласно которой термин "государство" ныне используется уже для обозначения не организованного общества, имеющего автономное правительство, а аппарата, руководящего этим обществом [10]. По мысли В. Халипова, издавшего книгу по общей кратологии, "государство представляет собой совокупность взаимосвязанных, наделенных властью лиц, а также учреждений и организаций, осуществляющих управление обществом" [11].

Кроме двух выделенных выше ипостасей государства в политическом сознании обнаруживаются и другие. Скажем, в памятниках древнерусской письменности ("Повесть временных лет", "Слово о полку Игореве" и др.) государство изображается "землей", выступает на определенный лад интегрированной и обустроенной территорией. Словосочетание "Русская земля" - самый важный из всех употреблявшихся на Руси в XII веке политических тропов [12]. Короче, в истории знаний о государственности внешний облик ее рисуется по-разному.

Все отмеченные ипостаси касаются первой - когнитивной составляющей образа государства. Вторая - оценочная составляющая выражает отношение субъектов (индивидов, групп) к государству. Существует широкий спектр таких оценок. В основном это суждения, касающиеся устройства (функционирования) каких-либо отдельных институтов, норм, процедур государственности, поведения отдельных должностных лиц (чиновников), политических деятелей или относящиеся к каким-то конкретно-историческим формам государства. Эти оценочные суждения, необходимые для ориентации в мире политики, в рамках настоящей статьи особого интереса не представляют. Такой интерес вызывает класс общеоценочных суждений (абсолютных оценок).

Принято считать абсолютными те оценки, посредством которых субъект определяет для себя значение оцениваемого объекта по шкале "добро (благо)" - "зло": "хорошо-плохо", "положительное-отрицательное", "полезное-вредное" и т.п. [13]. По

преимуществу через этот класс оценок субъекты изъясляют свое отношение к государственности вообще, к абстрактной государственности. "Добро" и "зло" - не химеры, не иллюзии. Их корни - в имманентных свойствах объекта. Но получение им статуса "добра" или "зла" зависит и от соответствующей квалификации определенных вещей, событий, процессов, состояний, даваемой самим оценивающим субъектом.

Абсолютные оценки в ходу не только тогда, когда с их помощью выражают отношение к государственности вообще. К ним прибегают и в суждениях об отдельных элементах, деталях или каких-либо конкретных разновидностях государства. В подобных случаях полагание субъектом того, что данное конкретное государство (государственное установление, действие) есть зло, еще совсем не означает, будто ему всякое государство неизбежно представляется злом. Тут возможны варианты. Когда субъект хотя бы одно из конкретных государств признает за благо, для него логически исключается возможность усматривать зло в государстве как таковом.

Были и есть мыслители с диаметрально противоположным подходом к государству вообще. Один оценивали (и оценивают) эту публично-властную организацию социально стратифицированного общества со всеми присущими ей особенностями в качестве блага, добра. Для других - государственность в принципе зло. Отложу поиск подлинных прародителей этих диаметрально противоположных подходов. Линия на признании в государственности позитивного (благого) установления ясно прослеживается от Гераклита и Сократа до нынешних сторонников идей "минимального государства", "постмодернистского государства" и т.д. От древнегреческих киников до современных анархистов разных мастей (включая наших доморожденных политических нигилистов, абсентеистов и т.п.) тянется цепь осуждений государственности вообще как зла, как глубоко порочного явления.

Оценивание государства происходит всегда и всенепременно, ибо оно практически никому не безразлично. Для всех буквально оно так или иначе функционально значимо. Но чем объяснить разброс оценочных суждений, полярность оценок, на протяжении тысячелетий выставляемых одному и тому же объекту - государству? Публично-властная организация социально стратифицированного общества в действительности выполняет одновременно несколько различных, не одинаковых по своему смыслу ролей. Есть среди них главные и побочные, константные и временные, преходящие. Отсюда у субъекта возникает объективный шанс выбирать в качестве предмета своей собственной оценки ту или иную из этих ролей и по ней судить о функциональной значимости государства в целом.

Однако наличие этого шанса само по себе почти ничего не говорит о том, почему субъекта "достаёт" какая-то определенная роль государства и именно на нее он реагирует. "Достаёт" потому, пожалуй, что ею чувствительней всего затрагивается его личный интерес. Движимый им и на свой лад оценивая государство в категориях "добра" и "зла", субъект сознательно либо неосознанно опирается также на критерии абсолютной оценки, которые циркулируют в идеологии. Есть, наконец, гамма сугубо индивидуальных мотиваций награждать государство той абсолютной оценкой, которую оно в глазах субъекта заслуживает.

От образа государства к политическому поведению

Итак, оценка государства инспирируется его функциональной значимостью, выполняемой им соответствующей социальной ролью. Однако оценка - лишь вторая составляющая единого образа государства. Вместе с когнитивной составляющей они не просто присутствуют в образе государственности, но сложно сопрягаются друг с другом внутри политического сознания. Основной вопрос сводится к следующему: влияют ли представления о внешнем облике государственности на отношение субъекта к ней? Если влияют, то какова комбинаторика "портретов" внешнего облика государства и даваемых ему абсолютных оценок?

Прошлое и настоящее политической мысли показывают, что представления субъекта о "наружности" государственности заметно влияют на его отношение к ней. Сразу

оговорюсь. При негативизации государства, т.е. при оценке публично-властной организации социально стратифицированного общества как воплощения зла, то или иное восприятие ее внешних очертаний уже ничего не значит. Зато на формирование позитивного отношения к государству, на его оценку как блага, добра восприятие субъектом внешнего облика государственности воздействие оказывает.

Справедливости ради нужно констатировать, что оба отмеченных типа представлений о композиции государства делают возможной его оценку в качестве явления положительного. Тем не менее (особенно в новой и новейшей истории) квалификация государства в благоприятном свете ("хорошее", "полезное", "желательное" и т.д.) чаще встречается в тех случаях, когда оно видится и воспринимается интегральной политической коллективностью, публично-властным "союзом", объемлющим собой всех членов общества.

Связка двух составляющих образа государства беспричинно не возникает. Ее появление предопределяют прежде всего складывающиеся в сознании субъекта картины государственности как некоторой целостности, специфической людской общности, включающей в себя, естественно, и самого субъекта. В картинах подобного рода обычно нет разнополюсных конфронтирующих лагерей: "мы" и "они" ("они" - отдельные от "нас", чуждые "нам" власть, государство, правители и т.д.). Добавлю к этому, что в воображаемых картинах внешнего облика государства оно как целое может иметь вид либо дифференцированной и сложно организованной системы, либо монолита. От того, какой конкретно целостностью кажется субъектам государство, в решающей степени зависят форма и мера выражения их причастности к нему.

Если для субъекта государство - синоним "мы" (целостности, политической коллективности, к которой принадлежит и он), то, по общему правилу, у него отсутствует взгляд на государство как на чужое ему, подозрительное, враждебное; нет у него настроения ощущать и толковать государство как зло. Скорее, наоборот. "Мы" - универсальный психологический способ самосознания и консолидации всякой общности людей - презюмируется как свое, хорошее, благое, доброе.

Правда, сложившийся у субъекта образ государственности, взятой в абстракции (государственность вообще) или в ее конкретно-исторических модификациях, сильно отличается от реальных, действительных характеристик последней. В таком случае возникает очень важная, но относящаяся к другой области проблема - адекватность, истинность образа. Она "проходит по ведомству" гносеологии и с вопросом о прагматических эффектах образа государства, о его регулятивных свойствах непосредственно не связана. Меня же здесь больше интересует психологическая сторона дела.

В психологии есть такая точка зрения: в ответ на оценку объекта у воспринимающего данный объект возникает эмоция как бессознательная реакция его принятия или отторжения [14]. Эмоции - непосредственные пристрастные переживания жизненного смысла явления, ситуации, обуславливаемые отношением их (т.е. явления, ситуации) объективных свойств к потребностям воспринимающего субъекта. Ясно, что эмоционально он приемлет хорошее, полезное, благоприятствующее; плохое, вредоносное, угрожающее провоцируют эмоцию отторжения.

Будучи сплавом переживания и усилий интеллекта, волевых моментов влечения, стремления, эмоции играют одну из ключевых ролей в психическом механизме перевода образа в плоскость практического поведения человека. Активизируя внутреннее состояние субъекта, они побуждают его к деятельности, осуществляют "запуск" и мотивацию его поведения. Эмоции также обуславливают направленность поступков, действий, регулируют их ход, влияют на поведенческие стереотипы. Тонус поведения, темпы деятельности тоже задаются эмоциями [15]. Есть основание утверждать, что через них образ государства становится алгоритмом политического поведения. Хотя последнее детерминируют еще и многие другие величины.

Понятие алгоритма используется не в его строго математическом смысле. Под ним подразумевается прежде всего программа, определяющая содержание и способ поведения людей, выполнение ими предписаний в различных видах деятельности. Поли-

тическое поведение понимается как система непосредственно наблюдаемых и фиксируемых действий (поступков) людей по отношению к значимым для них институтам публичной власти, к государству. Есть два вида политического поведения, весьма часто дополняющих друг друга. Первый - вербальное поведение, его выражает слово: устная или письменная речь. Второй - реальное поведение, оно "овеществляется" не в слове, а в практических действиях, поступках.

Таким в самых общих чертах представляется психологический механизм объективации образа государства. Благодаря ему данный образ "вплетается" в политическое поведение и играет там важнейшую роль. Теперь надо попытаться ответить на один из коренных вопросов: какое конкретно (по своему социокультурному смыслу) политическое поведение порождают те или иные образы государства?

Негативный образ государства и его объективации

Приступить к ответу на поставленный вопрос одинаково правомерно и с обращения к образу государства, в котором оно представлено злом (негативный образ), и к тому его образу, в котором государство являет собой добро, благо (позитивный образ). Начнем с негативного образа государства и программируемых им разновидностей политического поведения. Вновь подчеркну: в этом образе злом представлено государство вообще независимо от каких бы то ни было его конкретно-исторических модификаций. Их множество, но в одном практически важном отношении они делятся на две группы. В первой государство безоговорочно выступает абсолютным злом (см. работы М. Штирнера, Ф. Ницше, Э. Канетти). Во второй группе оно также выступает злом, но таким, за которым признается (пусть и неохотно) определенный *raison d'être* (Т. Пейн, В. фон Гумбольдт).

"Государство, - пишет Штирнер, - всегда занято тем, чтобы ограничивать, обуздывать, связывать, подчинять себе отдельного человека... Государство не допускает проявиться моей ценности... оно неустанно стремится как можно более использовать меня, грабит меня, эксплуатирует меня, потребляет меня... Всякое государство - деспотия, независимо от того, существует ли один деспот или их много, как в республике... Мы оба - государство и я - враги... Войну следует объявить самому существу, т.е. государству (*status*), а не какому-нибудь определенному государству, не какому-нибудь данному современному государственному состоянию и составу" [16].

Штирнер оказался ближайшим предшественником Ницше, желавшего, "чтобы его не читали, а заучивали". Что же предлагал заучивать автор бестселлера "Так говорил Заратустра"? «Государство? - вопрошает Ницше. - Что это такое? Теперь слушайте меня, ибо теперь я скажу вам свое слово о смерти народов. Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: "Я, государство, составляю народ". Это - ложь!.. Если где еще существует народ — не понимает он государства и ненавидит его... Все в нем обман: крадеными зубами кусает оно, зубастое... Государством зову я, где все вместе пьют яд, хорошие и дурные; государством, где все теряют самих себя, хорошие и дурные; государством, где медленное самоубийство всех называется "жизнью"... Там, где оканчивается государство, начинается впервые человек...» [17].

В главном своем труде "Масса и власть" Канетти изображает публичную власть (а стало быть, и государственность, в которой она материализуется) хищным всепожирающим зверем. Поглощая жертву (массу), свирепая кровожадная бестия высасывает из нее "все, что в ней есть полезного... Остаются отбросы и вонь. Этот процесс... многое говорит о сущности власти вообще". Власть, по Канетти, - некрофил; она паразитирует и разбухает на смерти. Оттого борьба против власти (прежде всего через неподчинение ей - "научиться без страха смотреть в глаза приказу и найти средство вырвать его жало") [18] является борьбой против смерти, борьбой за жизнь.

У Пейна и Гумбольдта образ государства (публичной власти) выдержан в иной лексической и семантической манере, нежели его ультраанархистский аналог. В от-

личие от своего двойника он лишен агрессивно-разоблачительного тона. Но гораздо значимей присутствие в нем намека на определенную легитимность бытия государства и тенденции вынужденного примирения с этим фактом. "Общество, - пишет Т. Пейн, - создается нашими потребностями, а правительство (в данном контексте и государство. -Л.М.) нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя благие порывы, второе же отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает разнь. Первое - это защитник, второе - каратель. Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае - зло нестерпимое" [19]. Пейн не испытывает симпатий к правительству (государству). Однако ему приходится констатировать сухо, что оно - пусть отрицательно - "способствует нашему счастью".

Согласно Гумбольдту, "государственное устройство (т.е. государство. -Л.М.) следует строго отличать от национального союза, как бы тесно они ни переплетались друг с другом... Собственно государственное устройство подчинено этому (сохранению всех благ, стремление к которым соединяет людей в общество. -Л.М.) как своей цели и всегда допускается только как необходимое средство, а поскольку оно всегда связано с ограничением свободы - как необходимое зло" [20]. Гумбольдтовский образ государства во многом типичен для идеологии либерализма. Не повторяет он анархистский образ, но в некотором родстве с ним бесспорно состоит. Образ государства подобно гумбольдтовскому давно сложился и прочно обосновался в политическом сознании (притом не только в массовом).

Образ государства как воплощения дьявольщины, монстра, несущего людям гибель, был выпестован и в России. Если Германия знает своего Штирнера, то Россия знает своего М. Бакунина. Брань в адрес институтов публичной власти почиталась чуть ли не доблестью. Всяческие поношения государства (независимо от того, каково оно в действительности, каковы его реальные практические акции) являлись и пока остаются излюбленным занятием отнюдь не одиночек, получающих от этого прямо-таки удовольствие. Взращенную веками неприязнь российских масс к государственному началу унаследовала безотчетно поклоняющаяся им, боготворящая их волю часть интеллигенции. В мифах таких народопоклонников народ извечно выступает обладателем всей правды, он всегда умнее своих правителей и т.д. В суеверном обожествлении "ума, чести и совести" народа эти интеллигенты не желают видеть того, что народные массы оказывались в истории (и при определенном стечении обстоятельств могут оказываться впредь) носителями несбыточных чаяний, злой иррациональной воли, разрушительной для общества и государства, пагубной для них самих.

Личность, в сознании которой доминирует анархистский (полуанархистский) образ государства, бросает вызов всему объективно закономерному, необходимо организованному, всему нормативному и дисциплинирующему безотносительно к его содержанию, формам проявления. Она в разладе не с той или иной исторически данной модификацией государственности, а с элементарными правилами и процедурами поведения, имманентными любому состоянию государственно устроенного общества. Небрежение ими равнозначно выпадению личности из сферы цивилизованного общежития.

Анархистский образ государства вызывает два варианта поведения. Первый из них - активистский. Активистское поведение - это поступки, практические действия, которые прямо направлены против государства и того, что с ним связано. В числе таких действий: вооруженная борьба, террор, организация беспорядков, открытое сопротивление мероприятиям государства, неподчинение закону, митинги и демонстрации, надругательства над государственными символами и т.д. На вербальном уровне активистское поведение реализуется в подготовке и публикации текстов антигосударственного характера, в устной пропаганде анархистских взглядов и т.п.

Второй вариант предполагает воздержание от бунтарства, лобовых столкновений с государством и нешумный выход из-под его власти. В свое время Г. Торо, высоко ценимый Л. Толстым и М. Ганди, пробовал на деле показать, как это должно происходить. Более двух лет прожил он в одиночестве в лесу, демонстрируя тем самым

полное отключение от государства. Он сторонник "мирной революции" против государства. По Торо, для ее проведения надо "только" прекратить уплату установленных государством налогов; подданным нужно отвергнуть свое государство, а служащим - покинуть свои учреждения [21]. Поведение и призывы Торо несравнимы, конечно, с поведением и призывами, скажем, Бакунина. Но дух "антигосударственничества" обучал этих современников одинаково.

Характерный для идеологии либерализма образ государства, каким мы его видим на страницах работ Пейна, Гумбольдта и других, программирует иное политическое поведение. Оно уже не устремлено ни на практическое, ни на мысленное преодоление государственного устройства общества. Люди, в чьем сознании утвердился этот образ, скрепя сердце примиряются с фактом существования государства как такового. Нигилизм анархистов перерождается в конформизм либералов. Но государство все равно остается под подозрением; его виновность перед людьми презюмируется, для них оно не перестает являться дежурным объектом недовольства и порицания.

В практически-политическом плане поведение людей, на такой лад воспринимающих государство и относящихся к нему, неоднозначно (поведение профессионального политика либерального толка - предмет особый). Есть обстоятельства, в которых названные люди действуют решительно. В других положениях они ведут себя, скорее, пассивно. Их всегда отличает законопослушание. Активность, как правило, наблюдается в пользовании возможностями, которые предоставляются государственно организованным обществом для удовлетворения индивидом собственного прагматического интереса, реализации им своих притязаний. Когда у индивида нет сугубо личной заинтересованности, когда ему "не светит" собственная выгода, охота активно участвовать в политической жизни у него пропадает. Пассивность преобладает обычно в ситуациях, требующих от индивида выполнения своих обязанностей, долга перед государством, персональной ответственности за состояние дел в нем.

Отношения индивида, который смирился с существованием государства как неизбежного зла, с этим самым государством-злом отчасти напоминают отношения клиента с конторой по хозяйственно-бытовому (административно-полицейскому, социальному, культурно-образовательному и т.д.) обслуживанию населения. Контора находится от клиента на известном удалении, в ней клиент не работает и даже в ее штате не числится. Он лишь иногда пользуется услугами данной конторы. В поддержании с ней каких-либо иных связей и контактов клиент потребности не испытывает. Ее состоянием и делами клиент-потребитель озабочен лишь в той мере, в какой они влияют на качество его обслуживания. Обслужившись, он дистанцируется от ставшей ему более ненадобной в этот момент сферы сервиса и замыкается в кругу собственных занятий (профессиональных, домашних). Клиент к тому же пребывает в уверенности, что именно государство настраивает его на подобное поведение, отвращая от активного участия в политической жизни.

Некогда русский литератор Н. Греч, не чуждавшийся либеральных идей, сказал: "Всякий умный человек должен относиться к государству следующим образом. Государство строит для меня дороги, держит армию, которая обороняет меня от внешнего врага, следит за тем, чтобы доходили мои письма. А от меня только требует - сиди тихо. Я и сижу" [22]. Слова Греча глубоко запали в душу его собрата по перу, современного русского литератора В. Пьецуха, который совершенно согласен с процитированным мнением "неплохо думающего писателя минувшего века". Писатель века нынешнего предлагает соотечественникам сейчас, в конце XX столетия, тоже "сидеть тихо" и держаться подальше от политики. От сословия интеллигентов (не имея от него никакого мандата) Пьецух заявляет: "Интеллигенции нужно, чтобы ее оставили в покое. Она будет жить своей духовной жизнью" [22]. По Пьецуху выходит: сегодня политика, участие в делах государства должны стать уделом неинтеллигентной, малообразованной, нравственно глухой публики. Подумал ли наш литератор, какой катастрофой для России обернется принятие "всяким умным человеком" его рекомендаций?

Был бы интересен и нужен скрупулезный научный анализ психологической подоплеки ходячих предрассудков типа: "политика - грязное дело", "всякая власть развращает", "власть отвратительна, как руки брадобрея", "власть всегда цинична" и т.п. Чтобы не потерять смысла затеянного разговора, подчеркну: такие сентенции адресуются не сумасбродствам Калигулы и Нерона, не бесчинствам опричнины, не коварным интригам королевских дворов. В них не осуждение якобинского террора, нацистского Третьего рейха, сталинского режима и проч. Нет, они - о политике вообще, о любой форме публичной власти, о всякой (без исключений) государственности. Поэтому допустимо предположить, что рассматриваемые предрассудки порождает и питает страх их носителей быть членами политической коллективности как таковой, страх соучаствовать в ее жизнедеятельности и, следовательно, отвечать за нее. Зряшное охаивание публичной власти и государства - словесное прикрытие боязни такой ответственности. "Тихосидение" - практически поведенческое проявление подобной фобии.

Ведь ответственность и свобода взаимосвязаны, неотрывны друг от друга. Быть свободным означает одновременно (и непременно) быть ответственным. Свобода индивида не сводится к "свободе от..." (к отсутствию внешних насильственно-принудительных воздействий) и к возможности самоосуществления. Это - лишь первый ее аспект. Второй - "свобода для...", позитивная свобода. В ее рамках индивид добровольно отказывается от претензий на всемогущество и учинение произвола, принимает как естественную норму социокультурные ограничители вседозволенности. В рамках позитивной свободы выполняет он социальные функции, предзаданные каждому члену государственно организованного общества, исполняет общественный долг.

Поведенческие корреляты позитивных образов государства

Обращение к проблемам свободы и ответственности столь же первостепенно для выяснения специфики того политического поведения, алгоритмом которого выступает положительный образ государства, представление о государстве как благе, добре. Такой образ формировали классики политической мысли, в науке о государстве более авторитетные, чем идеологи, воспринимавшие государство как зло. Остановлюсь лишь на трех: Аристотеле, Г. Гроции и Гегеле.

По Аристотелю, "государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни... государственное общение - так нужно думать - существует ради прекрасной деятельности, а не просто ради совместного жительства" [23].

На заре Нового времени, в условиях качественно иной, более зрелой государственности, Гроций, вторя Аристотелю, писал: "Государство... совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы". И еще: "Общение, которым многие отцы семейств объединяются в единый народ и государство, сообщает наибольшее право целому над частями; ибо это... есть совершеннейшее общество" [24]. Ясно, что для Гроция, как и для Аристотеля, государственность-благодетельная организация политического общежития людей. Этот ее позитивный образ не поколебало (скорее, даже по-своему укрепило) глубокое знание Аристотелем и Гроцием того, что в исторической действительности были и есть извращенные, наихудшие формы государственного строя, государства, пользующиеся дурными законами и подобные порочному человеку, деспотии, в которых блажь властителей уничтожает право, и т.д.

Гегель тоже не питал никаких иллюзий относительно наличия плохих, несовершенных государств. Чудом являлось бы их отсутствие, поскольку: "Государство - не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения; дурное поведение может внести искажение во множество его сторон". Однако не признание этого, в общем-то очевидного факта составляет квинт-

эссенцию гегелевского образа государства. Она заключена в других суждениях философа: "Государство есть осуществление свободы... согласно ее всеобщности и божественности"; "государство - это шествие Бога в мире"; "государство следует почитать как нечто божественное в земном" [25]. "Божественное" у Гегеля лишено собственно теологического смысла, оно иносказательно. Философ прибегает к нему, чтобы уподобить образ и миссию государства образу и миссии Бога. Наверное, никто до Гегеля государственность так не восславлял.

После него, особенно в XX веке, на политико-идеологической ниве подвизались не менее рьяные апологеты государства. Но в их апологиях фигурировало уже не государство вообще, а государственное устройство весьма определенного вида. Колыбелью образа государственного устройства такого рода стали гражданские религии тоталитаристской "выделки": национал-социализм и большевизм. Здесь государственность ассоциируется с политически целостным "мы" (народом, этносом, кругом единоверцев и т.п.), являющимся жестко сцементированным монолитом. Монолитная политическая целостность отторгает личностное начало, усредняет и унифицирует членов государственно организованного общества; она несовместима с единством, достигаемым через политическое многообразие внутри "мы".

Особенности политического поведения, которое диктует образ государства, рожденный тоталитарным сознанием, XX век знает, увы, слишком хорошо. Неимоверно тяжкая цена была навязана человечеству за такой урок. Это поведение исходит от субъекта, охотно идентифицирующего себя с государством (единой тесно сплоченной общностью со строжайшей иерархией) как с источником своей собственной значимости, достоинства, жизненного успеха. Поэтому для него влиться "каплей" в политическую (этническую, классовую, партийную, конфессиональную и т.д.) коллективность — наилучшее, комфортнейшее состояние: "Я счастлив, что я этой силы частица". Обязанный своим счастьем поглотившей его коллективности, субъект искренне ощущает себя находящимся перед ней в вечном долгу. Политическое поведение такого субъекта есть поведение должника, до гроба возвращающего долг, или (что одно и то же) - самозабвенное служение "силе", очастливленной "частице" коей он стал.

Самозабвенное (с отрешением от собственного "я") служение - визитная карточка не только сверхблагонадежности, слепой преданности государству, но и выражение беспрекословного послушания государственной воле. Беспрекословного до такой степени, при которой между ним (послушанием) и отказом от самостоятельного выбора своей линии политического поведения стирается граница. Отказывающийся от этого выбора автоматически вверяет его государству (другой коллективной "силе") - третьего не дано. Он, следовательно, снимает с себя личную ответственность за свое политическое поведение. Ему так удобнее и легче. Классический случай "бегства от свободы" (Э. Фромм). Избавляясь же от свободы (и ответственности) личной, индивидуальной, люди предают и хоронят свободу социальную, свободное общество.

Подобный трагический оборот никак не отражается на их практическом отношении к государству. Оно привычно активное, сплошь и рядом исполнено энтузиазма (постоянно подогреваемого институтами тоталитарной власти). Люди живо изъявляют поддержку государства, "горячо одобряют" любые его акции. Даже при тщательном взглядывании в политическое поведение "частичек", "винтиков" и прочих величин в нем трудно найти следы несогласия с какой-либо из этих акций, обнаружить их критику. Преобладающая, главная форма такого поведения - участие. "Частицы", "винтики" и т.п. - участники массовых организаций, движений, кампаний, коллективных действий (по намечаемым сверху сценариям-директивам). В грандиозные митинги и шествия, ритуальные собрания и съезды, парады и празднества, фарсы выборов, референдумов, голосований вовлекались многомиллионные массы обольняемых участников. Для индивида-участника приобщение к массовидным коллективностям было равнозначно его политическому самоутверждению, хотя принудительно огосударствленные коллективности объективно являлись, конечно, средством удушения всякой индивидуальности, подавления автономии и инициативы личности.

Активизма по части верноподданнического служения системе тоталитарной публичной власти субъекту, который отождествлял себя с ней, хватало. Но он цепенел при допущении даже гипотетической возможности использовать в собственных интересах присущие ему гражданско-политические права и свободы. Этот субъект просто не желал знать и принимать к сердцу тот факт, что они у него есть и должны осуществляться. Определенную активность он проявлял в сфере частноправовых отношений. Однако стремление к самостоятельным поступкам, к самодеятельности в публично-правовом, политическом пространстве купировалось его "внутренним цензором". Да к тому же такую самодеятельность свирепо преследовали институты тоталитарного строя.

Диаметрально противоположен позитивному образу государственности - плоду тоталитаристского сознания (как правого, так и левого толка) - другой ее образ, порождаемый совершенно иной ментальностью. Ментальностью людей, видящих в государственности необходимую (и адекватную эре человеческой цивилизации) публично-властную форму социального общежития, которая упорядочивает и организует его, обеспечивает его безопасность и управляемость. Эти люди видят и то, что данная форма (при определенных условиях) являет собой институционально-нормативную среду, благоприятствующую самоутверждению личности, позволяющую ей с пользой для себя и политической коллективности в целом реализовывать свои суверенные права и свободы, активно, самостоятельно участвовать в политической жизни.

Люди с подобной ментальностью появились не вчера. И почти всегда государство представлялось (представляется) им публично-властной ассоциацией, членов которой объединяет солидарное участие в ее общих делах. Их они исполняют столь же ревностно, как и свои собственные. Такое представление идет от Аристотеля и Цицерона. В эпоху итальянского Возрождения его защищает и развивает влиятельное тогда направление общественной мысли - "гражданский гуманизм" (Л. Бруни, М. Пальмиери, М. Фичино и др.). В "гражданском гуманизме" наметился зримый поворот к трактовке членов публично-властной ассоциации не просто как образующих ее индивидов, скроенных по одной мерке, но как независимых, свободных, нестандартных личностей. Русская философская и социально-политическая мысль многое сделала для доказательства бесплодности спора о том, что должно быть первичной самодовлеющей ценностью: политическое целое (государство) или отдельная личность (см., например, "Оправдание добра" В. Соловьева, "Социальные науки и право" Б. Кистяковского).

Позитивный образ государства, возникший и эволюционировавший в русле обозначенной сейчас политико-культурной традиции, удачно выражает формула: "Государство - это мы все и каждый из нас в отдельности" [26]. Ее автор - Г. Хайнеман (с 1969-го по 1974 год президент ФРГ). В подтексте приведенной формулы - идея, согласно которой "мы все и каждый из нас в отдельности" - свободные и равноправные граждане государства. Не просто лица с юридическим статусом гражданина, официально имеющие гражданство, но прежде всего люди, чье реальное политическое поведение отмечено высокой пробой: гражданственностью. Так вербализует свой образ государства современное демократически-правовое сознание.

Каковы наиболее характерные черты стимулируемого и программируемого им политического поведения? Кем является гражданин - субъект этого поведения? Феномен гражданина исторически конкретен. В античности он иной, нежели в Средневековье; в период Великой Французской революции другой, чем во времена Всеобщей декларации прав человека, и т.д. Есть, однако, и нечто общее, что присутствует во всех его исторически конкретных ипостасях. Он личность, радеющая об интересах политической коллективности, в которую входит, как о своих собственных. В таком действенном радении и заключено существо гражданственности.

Она дает себя знать в множестве поступков, в разных формах политического поведения. Но в первую очередь гражданственность проявляется в энергичном исполь-

зовании индивидом принадлежащих ему прав и свобод, особенно политических (а также социально-экономических и культурных), и не менее активном, добросовестном выполнении им своих политико-юридических обязанностей. Потенциал гражданственности способна снизить реализация установки, гласящей: "В демократическом обществе... от граждан требуется одно - соблюдение законов" [27]. Как известно, соблюдение законов состоит в пассивном воздержании от действий, находящихся под запретом. Безусловно, гражданин должен соблюдать законы, не преступать их. Но неужели для того, чтобы являться истинным гражданином государства (тем более в демократическом государстве), достаточно лишь не быть правонарушителем?

Активное участие гражданина вместе с остальными его согражданами в общих делах государства на основе собственного выбора, самостоятельно принимаемых решений и самостоятельно совершаемых поступков, действий ошибочно квалифицировать как служение государству. Гражданин не госслужащий и не солдат государства. Выигрышно отличающая его политическое поведение гражданственность не есть род занятий, некая профессия, которая позволяет зарабатывать на хлеб насущный (как не числятся в списках профессий трудолюбие, патриотизм, веротерпимость, честность и т.п.). Гражданин вступает в сферу политики и действует в ней не по причине услужения государству, не ради заработка. Он там постольку, поскольку ясно сознает: без его соответствующих личных усилий не возникнут и не упрочатся демократические институты публичной власти, не установится правовой порядок, люди не получат возможность в должном объеме осуществлять и защищать свои права и свободы. Политическое поведение гражданина созидательно, конструктивно, в каком бы разрезе его ни рассматривать.

Оно таково, в частности, потому, что зиждется на понимании гражданином природы и задач государства вообще, на трезвом учете им состояния конкретно существующей государственности и знании путей ее практического улучшения. Это, а не стихия эмоций (ненависть, презрение, апатия или подобострастие, радость, восторг) определяет его практический подход к государству. Отношения гражданина с конкретно существующим государством лишены сентиментальности. Напротив, они рациональны, проникнуты духом критичности. Только нельзя путать критичность (т.е. разбор и оценку), производимые для выявления достоинств, обнаружения и исправления недостатков) с раздражительностью, брюзжанием, со склонностью усматривать во всем одно лишь дурное, мрачное, отрицательное. Государственность вообще, как адекватная эре человеческой цивилизации форма социального общежития, вне критики, сопутствующей политическому поведению гражданина. Объекты этой критики - дефекты в организации и функционировании жизнедействующих государственных устройств. Ее назначение - устранение того, что мешает последним оптимально сочетать удовлетворение общих интересов всей политической коллективности и индивидуальных (личных) интересов каждого отдельного гражданина государства.

Практическая критика слабых мест и изъянов государственности, присущая политическому поведению гражданина, неотрывна от его самокритичности. Он сознает, что государство может обладать дельными качествами лишь тогда и постольку, когда и поскольку ими обладают его граждане. Это с позиций гражданина было сказано: "Если недисциплинирован один, недисциплинировано и все государство" [28]. Гражданину дано понять: для изменения мира политики совсем недостаточно изменить (обновить, переключить, отшлифовать) институционально-нормативную систему государства. Даже идеально сконструированная она все равно в действительности будет "работать" так, как ее фактически станут использовать люди.

Чтобы существовал, креп и развивался демократически-правовой строй, разумеется, нужна отвечающая его духу и букве институционально-нормативная система. Но еще более нужны граждане, из которых он бы органически вырос. Гражданин всегда самокритично всматривается в себя, культивирует прежде всего в себе самом свойства, необходимые субъекту, лично отвечающему за состояние мира политики. Только обывателям грезится, будто этот мир как-то спонтанно, без их участия, "по-

щучьему велению" преобразуется к лучшему и им, оставшимся прежними, он достанется уже преображенным. Императив гражданина - изменяйся к лучшему в первую очередь сам, иначе не изменится к лучшему государство, в котором живешь ты и твои сограждане. Станет руководствоваться таким императивом российский гражданин, тогда прочно утвердятся в России демократически-правовые порядки, тогда выйдет она на новые исторические рубежи, будет благополучной, процветающей страной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае. М., 1993. С. 9.
2. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 86.
3. *Аристотель.* Политика. II. 2. 1261 а. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1983.
4. Государственное право Германии. Т. I. М., 1994. С. 35.
5. *Чиркин В.Е.* Элементы сравнительного государствоведения. М., 1994. С. 3-9.
6. Теория государства и права / Под ред. В.М. Карельского, В.Д. Привалова. М., 1997. С. 78, 79.
7. *Богословский Е.С.* Собственность и должностное владение в древнем Египте // Вестник древней истории. 1979. № 1. С. 4.
8. *Романов В.Н.* Древнеиндийские представления о царе и царстве // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 31, 32.
9. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 64-66.
10. *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972. С. 124.
11. *Халипов В.Ф.* Введение в науку о власти. М., 1996. С. 237.
12. *Лихачев Д.С.* "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Л., 1978. С. 126.
13. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985. С. 15.
14. *Изард К.* Эмоции человека. М., 1980. С. 43.
15. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946. С. 465-471.
16. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. М., 1994. С. 167, 183, 210, 214, 242.
17. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 1990. С. 43-45.
18. *Канетти Э.* Массы и власть. М., 1997. С. 225, 228, 503.
19. *Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959. С. 21.
20. *Фон Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 133.
21. *Покровский Н.Е.* Генри Торо. М., 1983. С. 149-164.
22. Известия. 1997. 15 ноября.
23. *Аристотель.* Соч. III. 14. 1281 а. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1983.
24. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 255.
25. *Гегель.* Философия права. М., 1990. С. 284, 285, 286, 310.
26. Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. М., 1997. С. 10.
27. *Гозман Л.Я., Эткинд А.М.* Люди и власть: от тоталитаризма к демократии // В человеческом измерении. М., 1989. С. 392.
28. *Аристотель.* Соч. V.20. 1310 а. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1983.

© Л. Мамут, 1998